

Ответ одного интернационалиста Мадзини

Михаил Бакунин. Избранные сочинения. Том V
"Альянс" и Интернационал. Интернационал и Мадзини.
С примечаниями Дж. Гильома.
Перевод с французского Л. Гогеля.
Книгоиздательство "Голос труда". Петербург-Москва. 1922.

Если есть человек, всеми уважаемый в Европе, и который своей сорокалетней деятельностью, исключительно посвященной великому делу, действительно заслужил это уважение, так это Мадзини. Он бесспорно является одною из самых благородных и самых чистых личностей нашего века, я сказал бы даже, самую великую, если бы величие было совместно с упорным культом заблуждения.

К сожалению, в самой основе революционной программы итальянского патриота заложен был с самого начала существенно ложный принцип, который парализовал и сделал бесплодными его самые героические усилия и самые гениальные комбинации, и рано или поздно должен был увлечь его в ряды реакции. Это принцип какого то в одно и тоже время метафизического и мистического идеализма, соединенного с патриотическим честолюбием государственного деятеля. Это культ Бога, культ божеской и человеческой власти, это вера в мессианское предназначение Италии, царицы наций, вместе с Римом, столицей мира, это политическая страсть к величию и славе государства, необходимо основанных на нищете народов. Это, наконец, религия всех догматических и абсолютных умов, страсть к единообразию, которое они называют единством и которое является могилой свободы.

Мадзини -- последний великий жрец религиозного метафизического и политического идеализма, доживающего свои дни.

Мадзини упрекает нас в том, что мы не веруем в Бога. Мы, наоборот, упрекаем его в том, что он верует в него, или, скорее, мы даже не упрекаем его в этом, мы жалеем только, что он верует в него. Мы бесконечно жалеем, что, благодаря этому вторжению мистических идей и чувств в его сознание, его деятельность и жизнь, он принужден был выступить против нас со всеми врагами освобождения народных масс.

Ибо невозможно больше ошибаться на этот счет. Кто теперь выступает под знаменем Бога? От Наполеона III до Бисмарка, от императрицы Евгении до королевы Изабеллы и между ними папа с своей мистической розой, которую он галантно преподносит по очереди то той, то другой, все императоры, все короли, весь официальный, официозный и дворянский мир и все привилегированные Европы, тщательно переименованные в календаре Гота, все пиявки промышленного, торгового и банковского мира, патентованные профессора и все государственные чиновники: высшая и низшая полиция, жандармы, тюремщики, палачи и вместе с ними попы, составляющие ныне черную полицию душ, работающую в пользу государства; все генералы, эти гуманные защитники общественного порядка, и редактора продажной прессы, такие чистые представители всех официальных добродетелей. Вот армия Бога.

Вот знамя, под которым становится ныне Мадзини, помимо своей воли, конечно, увлеченный логикой своих убеждений, которые принуждают его, если не благославлять все, что они благославляют, то, по крайней мере, проклинать все, что они проклинают.

А кто находится в противоположном лагере? Революция, смелые отрицатели Бога, божественного порядка и принципа власти и, наоборот, и по этому именно, верующие в человечество, в человеческий порядок и человеческую свободу.

Мадзини, в молодости своей, разделяя оба противоположные течения, был в одно и тоже время жрецом и революционером. Но с течением времени, чувства жреца, как и должно было ожидать, заглушили в нем инстинкты революционера; и теперь все, что он думает, все, что он говорит и делает, дышит самой чистой реакцией. Это вызывает великую радость в лагере наших врагов и печаль в нашем.

Но не будем горевать, у нас есть другое дело; все наше время принадлежит борьбе. Мадзини бросил нам перчатку; наш долг поднять ее, чтобы не могли сказать, что из уважения к прошлым великим заслугам человека мы склонили голову перед ложью.

Не с радостным сердцем можно выступить против такого человека, как Мадзини, которого вынужден глубоко уважать и любить, даже борясь против него, ибо никто не может сомневаться в глубоком бескорыстии, в огромной искренности и не менее огромной любви к добру этого человека, несравненная чистота которого сияет во всем своем блеске среди развращенности нашего века. Но